

УДК 34.06

Организация и психологическое воздействие паралингвистического дискурса

Андрианов Михаил Семенович

Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник,
отдел психологического обеспечения прокурорской деятельности,
Научно-исследовательский институт
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1;
e-mail: andrianov@nextmail.ru

Аннотация

Обосновывается поход к исследованию невербальной коммуникации с позиций методологии дискурсивной психологии. Рассмотрены как отдельные, конкретные случаи использования различных способов организации паралингвистического дискурса с помощью языка жестов, языков культуры и других неречевых знаковых систем, так и целостные социальные явления – паралингвистические дискурсы: увлечение людей современности нанесением татуировок и сетевое общение при помощи селфи. Показаны главные особенности такого дискурса – ориентация на конструирование и изменение мира, а также оказание психологического воздействия на партнеров по взаимодействию.

Для цитирования в научных исследованиях

Андрианов М.С. Организация и психологическое воздействие паралингвистического дискурса // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Том 6. № 2А. С. 157-170.

Ключевые слова

Невербальная коммуникация, паралингвистический дискурс, психологическое воздействие, языки культуры, татуаж, мода, карикатура, жест, селфи.

Введение

Гибель сотрудников французского журнала «Шарли Эбдо» в результате вооруженного нападения на редакцию, формальным поводом для которого оказалась публикация этим изданием «оскорбительных» для мусульман карикатур, стала одним из самых резонансных

мировых событий 2015 года. Произошедшее еще раз продемонстрировало насколько «убийственно» ответственными могут оказаться «простые картинки», а именно – неречевые коммуникативные средства.

Данная статья, по сути, решает следующие задачи: во-первых, обоснование и развитие авторского подхода к пониманию и исследованию процесса невербальной коммуникации [Андрианов, 2007; Андрианов, 2012], во-вторых, анализ существующих способов и методов воздействия неречевых компонентов общения на партнеров по взаимодействию и мир в целом, что становится возможным, если изучать многообразие невербальных коммуникативных проявлений в методологии дискурсивной парадигмы. При этом исследование особенностей невербальной коммуникации опирается на примеры и факты современной действительности, как того и требует классическая теория дискурс-анализа: изучать социальную деятельность в условиях реального мира; описывать пользование системой неречевых знаков, «погруженное в жизнь» [Potter, Wetherell, 1987; Harre, Stearns, 1995].

Известно, что широкое употребление невербальных компонентов в общении обеспечивается их универсальным характером как средств, общедоступных для понимания и легких для усвоения; заложенная в них информация быстро перерабатывается и способна эффективно воздействовать на эмоциональную сферу. Проблема их релевантного изучения становится одной из наиболее актуальных в науке. Введение термина *паралингвистический дискурс* базируется на методологии современной дискурсивной психологии и обозначает новый перспективный подход к анализу и пониманию процесса невербальной коммуникации. В непосредственном общении люди, используя невербальные «сообщения», стремятся избежать двусмысленности и определиться в интерпретации и понимании коммуникативного поведения партнера. При этом значения отдельных невербальных проявлений определяются ситуативно и контекстуально, а не дешифруются (кодируются и декодируются), поскольку они не заданы изначально. Создание таких значений, как правило, ограничено диапазоном паралингвистических ресурсов, доступных индивиду на основании его социального и культурного положения, статуса и опыта. Следовательно, использование невербальных знаковых систем является зависимым от личностных особенностей коммуникантов, условий и обстоятельств, по сути, окказиональным. Именно такое использование языка как знаковой системы психолингвисты называют дискурсом [Павлова, 2011].

Однако применение этого понятия уместно и для невербальной коммуникации, тем более что его происхождение от современного французского слова восходит к более раннему латинскому *discere* (блуждать) и в такой трактовке акцентируется не столько форма объективации (вербальная), а сложность и особенность самого процесса. Таким образом, *паралингвистический дискурс* (греч. *para* – возле, вне и лат. *lingua* – язык; фр. *discourse* – выступление, речь) – это процесс и результат ситуативного использования системы неречевых знаков в контексте социального взаимодействия [Андрианов, 2007]. Соответственно, значения невербальных коммуникативных проявлений всегда производятся в результате

конкретных паралингвистических дискурсивных практик, их можно определить лишь частично и временно, на основании ситуативного комбинирования. В этом заключается основное отличие дискурсивного анализа процесса невербальной коммуникации от традиционного подхода с точки зрения семиотики [Крейдлин, 2002; Лабунская, 2009; Петрова, 2001]. Понятие паралингвистический дискурс (в отличие, например, от термина «язык тела») универсально и применимо не только к межличностному общению, но и к широкому спектру использования невербальных средств на всех коммуникативных уровнях (публичном, межгрупповом, массовом).

Мода на татуировки как тренд паралингвистической дискурсивной практики

Специфической особенностью настоящего времени является появление все большего количества людей, особенно среди молодежи, «украшающих» себя самыми разными татуировками. Нанесение орнамента, рисунков, знаков и символов на тело имеет древние истоки, огромную историю и большое разнообразие причин как субъективного, личностного, так и социального характера. Но бесспорно одно: как правило, каждая татуировка наполнена определенным смыслом и является важным «знаком» для других людей. Таким образом, признавая полифункциональность татуажа (мистический символизм, ритуал, инициация, идентификация, самовыражение, украшение и т. д. [Керлот, 1996]), подчеркнем его главную, а именно – коммуникативную функцию (по крайней мере, таков его приоритет в современном мире). Татуировки, таким образом, выступают в качестве разновидности (способа, ресурса) паралингвистического дискурса. Конечно, для многих молодых людей современности нанесение на тело картинок, «оригинальных» символов, рун, иероглифов и прочих «узоров» – не более чем подражание и слепое следование моде, никакой «коммуникативный» смысл, казалось бы, они в это действие специально не вкладывают, но нанесенное на тело тату «говорит» само за себя, неизбежно становясь элементом повседневной паралингвистической дискурсивной практики.

Отметим, что такой феномен как мода – сложное социальное явление (которое, по сути, касается не только украшения внешности человека и правил ношения одежды, но и многих других сфер жизни), довольно хорошо изученное специалистами, в том числе и психологами [Килошенко, 2001]. В частности, показано, что мода способствует созданию образов восприятия людьми друг друга, организации взаимодействия между ними и является мощным орудием социального влияния посредством действия психологических механизмов заражения, внушения, подражания, идентификации, рефлексии. Но при этом, как подчеркивают многие ее исследователи, мода является специфическим способом обмена информацией. Однако, акцентируя именно коммуникативную функцию моды, нельзя забывать, что она сама является частью более глобального процесса – социального взаимодействия

посредством осуществления невербальной коммуникации. Следовательно, знаковая система моды, ее «язык» (в определенные социальные время и пространство) лишь один из языков культуры и знаковых систем неречевого общения. Собственно, другое определение паралингвистического дискурса – *форма объективации содержания сознания, реализуемая невербально, включая неречевые системы знаков, язык тела и языки культуры, и содержащая элементы изменения, обновления и совершенствования существующего* – вполне уместно и для понимания моды как социального явления. Многие исследователи как раз и отмечают «дискурсивность» моды [Барт, 2003]: она интенциональна и информативна, ситуативна и контекстуальна, личностно и социально обусловлена, изменяет окружающий мир и видоизменяется сама – знаки ее «языка» наполняются новым значением.

Все сказанное и дает нам основания считать современный татуаж (следование ему, моду на него) одним из видов паралингвистической дискурсивной практики. Однако необходимо подчеркнуть, мода и сам факт нанесения рисунков на тело отнюдь не тождественные социальные явления, а вот тенденция увлечения этим современной молодежи становится модой, по ее законам протекает и выполняет те же функции (одна из которых – коммуникативная – и выделяется нами в качестве объекта исследовательского внимания), что и какой-либо другой модный тренд. Именно это допущение позволяет, во-первых, считать современный «язык» татуировок важной частью паралингвистического дискурса, а во-вторых, интерпретировать этот феномен в целом, а не какие-то отдельные, частные случаи нанесения любого «информативно» насыщенного знака на тело.

В контексте статьи не так важно, что вкладывает человек (и вообще стремится ли он это сделать), нанося ту или иную татуировку, оригинальную или же типовую, уже известную. Имеет значение только сам этот своеобразный способ организации паралингвистического дискурса, когда тело человека выступает «субъектом» (знаковой системой) общения, а носитель тату «не новыми средствами, но по-новому» посылает коммуникативный сигнал окружающим, не все из которых, однако, могут и способны его правильно понять. Это в первую очередь знак «для своих», для понимающих, но от чего он не становится менее «коммуникативным».

Таким образом, татуировка сегодня становится не только актом «украшения» и самовыражения. Это вид паралингвистического дискурса, поиск нового стиля и «языка» выражения, способ адаптации к реальности, иногда «на грани риска», фактор социальной дифференциации и идентификации. А мода на татуировки как протест против обыденности, сложившихся условностей и запретов, зависимостей и подражательств обеспечивает «возможность разрыва с ближайшим прошлым, представляя новые разнообразные культурные модели и подвергая их коллективному отбору, становится средством приспособления к переменчивому, непостоянному миру» [Килошенко, 2001, 63], сама изменяя его.

В современных российских реалиях, как бы негативно не воспринималось людьми старших поколений увлечение молодежи татуировками, нужно признать в этом социальном

явлении один важный и позитивный, на наш взгляд, итог. Длительное время в России этот «язык знаков на теле» был «узурпирован» криминальной субкультурой. Сейчас такое «доминирование» криминалитета в пользовании этим древнейшим языком культуры оказалось, наконец, серьезно подорвано. Таким образом, широкое распространение татуировок показывает не только обширные возможности в организации и действенности паралингвистического дискурса, но и его главную особенность – изменять окружающий мир.

Уличная графика как действенный способ невербальной коммуникации

Между тем, необходимо рассмотреть и другие виды невербальной коммуникации, и, соответственно, другие способы организации паралингвистического дискурса. Разновидностью (точнее самостоятельным видом, но и одновременно составной частью целого) такого дискурса является язык изобразительного искусства, в частности, язык карикатур. О силе воздействия «коммуникативной» составляющей карикатур, часто используемых современными СМИ, например в газетном и журнальном дискурсе, уже указывалось в самом начале статьи. Но анализировать организацию и результативность воздействия дискурса в стиле «Шарли Эбдо», как бы это ни напрашивалось и ни казалось логичным, в данной конкретной публикации представляется неуместным. Во-первых, резонанс вокруг этого журнала (включая скандалы, как января, так и сентября 2015 года), на наш взгляд, выходит за рамки возможностей беспристрастного научного исследования особенностей коммуникативного аспекта такого рода изображений, а во-вторых, этой теме и так посвящено немало публикаций, по-разному, но взвешено препарирующим произошедшее [Кочеткова, 2015; Поворазнюк, Федотова, 2015]. В контексте нашего анализа рассмотрим пример иного рода, по крайней мере, не приведший к столь катастрофичным последствиям.

Утром 15 мая 2015 года жители Рязани увидели «забавные» картинки непосредственно на асфальте многих дорог города (см. рис. 1). Это оказались шаржи на мэра Рязани, причем дефекты дорожного покрытия (выбоины и трещины) были довольно удачно использованы, «вписаны» в рисунки в виде частей внешности – лица персонажа, изображая, например, его открытый рот, мимические морщины и т. п. Таким необычным, но, следует признать, креативным способом некая инициативная группа горожан подвергла критике деятельность местного градоначальника, неоднократно демонстрировавшего свою «искреннюю и неустанную» заботу о жителях и дававшего декларативные обещания привести в порядок все дороги этого населенного пункта. Фотографии рисунков моментально наполнили российский Интернет, вызвав бурную реакцию пользователей. Что характерно, смысл «послания в рисунке» был четко «прочитан» жителями России, многие из которых, даже не зная, где он сделан и кто на нем изображен, оценили креатив исполнителей, восторгаясь удачно найденным способом невербального воздействия на местную власть.

**Рисунок 1. Организация паралингвистического дискурса:
один из шаржей на мэра Рязани на дорогах города**

Этот нетривиальный способ «дистантной» коммуникации (имеется в виду дистанция не физическая, а социальная) восходит к особому языку граффити – стрит-арту, или «уличному» искусству. Самым ярким его представителем является художник, работающий инкогнито под псевдонимом Бэнкси. Его «картины-послания миру» регулярно появляются сначала в самых разных уголках земного шара, а потом в Интернете, и широко известны, в отличие от самого автора, которого «никто не видел лично»¹. В российской традиции язык уличной графики традиционно является непременным атрибутом молодежной субкультуры, а в последнее время также становится и популярным арт-течением. Не вдаваясь в детали и смысл деятельности современных уличных акционистов (т. е. не оценивая само содержание актов их творчества, социально-политическую, социально-правовую и т. п. подоплеку производимых действий), приводим этот пример исключительно в качестве способа организации паралингвистического дискурса (в котором использована даже территория уличного пространства) и достигнутого с его помощью эффекта психологического воздействия. Тем более что юмор, как вербальный, так и заложенный в карикатурах, в данном случае вполне в разумных, «легальных» пределах, является мощным инструментом убеждающего воздействия [Андрианов, 2007; Шейнов, 2016].

¹ В 2016 году специалисты Лондонского университета с помощью метода «географического профилирования» – технологии, заключающейся в анализе мест и периодичности совершенных художественных акций, – с большой долей вероятности «вычислили», что под псевдонимом скрывается британец из Бристоля Robin Gunningham.

Дискурсивный подход к анализу «языка жестов»

Понятие паралингвистический дискурс универсально и позволяет анализировать невербальное общение на разных коммуникативных уровнях. Соответственно, в рамках дискурсивного подхода рассмотрим пример из классического для исследований «языка тела» межличностного общения. Так, очень показательным с точки зрения организации и воздействия паралингвистического дискурса является известный фирменный жест российского теннисиста Михаила Южного (см. рис. 2), который после выигранного матча приветствует зрителей своеобразным выразительным движением: сжатая ладонь правой руки прикладывается к виску, при этом голову спортсмен накрывает своей ракеткой, которую держит в левой руке.

Жест восходит к известному военному ритуалу «отдания чести», принятому в армиях разных стран мира. Однако у Южного он индивидуально трансформирован и адресован в первую очередь соотечественникам, поскольку только они могут понять его в полной мере. Именно среди российских (а ранее советских) военнослужащих с давних времен бытует суждение: «Руку (в приветствии старших по званию и сослуживцев) к «пустой» (имеется в виду непокрытой) голове не прикладывают!» В армиях других стран, например

Рисунок 2. Организация паралингвистического дискурса:
фирменный жест Михаила Южного

американской, этот ритуал не столь строг и допускает «отдание чести» без головного убора, иногда не всей ладонью, а всего двумя пальцами (указательным и средним) и даже без обязательного плотного прикладывания к виску – достаточно «отсалютовать» таким образом, подняв сложенные пальцы до уровня верхней части головы и быстро их опустив. Собственно, в таком виде жест получил свое распространение далеко за пределами армейской жизни и стал (в разных вариациях, чаще в шутливой манере) довольно традиционным жестом «приветствия/прощания» – знаком уважения к собеседнику при встрече/расставании и демонстрацией того, что его исполнитель имеет определенные правила, принципы, свой «кодекс чести», которому стремится следовать. Подобная трактовка применима в целом к любому жесту «салютования» – помахиванию поднятой рукой другому человеку при встрече или «на прощание», часто в каждом отдельном случае имеющем неповторимую индивидуальную специфику.

Жест М. Южного, исполняемый исключительно и подчеркнуто серьезно, с одной стороны, из-за частого его исполнения стал фирменным актом самовыражения спортсмена, демонстрацией уважения к зрителю и сопернику, победа над которым досталась в трудном, но честном поединке, а с другой – это явная, акцентированная демонстрация патриотизма теннисиста. Он таким образом он «сообщает» и подчеркивает, что все его победы, казалось бы, в сугубо индивидуальном виде соревнований, совершены в честь российского спорта, вскормившей и воспитавшей его Родины. Что, безусловно, есть попытка оказать важное психологическое воздействие и на наблюдателей (зрителей), и на своих будущих противников.

Нужно отметить, что «прославился» Южный не только своими достижениями в теннисе и описанным выше жестом, но также и тем, что в особо драматичные моменты матчей, когда он проигрывает в результате собственных (в теннисе говорят «невынужденных») ошибок, то в целях концентрации внимания бьет себя ракеткой по голове, иногда очень сильно и жестко (в нескольких случаях вплоть до рассечения кожи и появления крови). Такие действия спортсмена (на взгляд обычного человека они либо ужасны, «на грани разумного», либо даже комичны) трудно отнести к коммуникативным, скорее это жесты-самоадаптеры. Однако совершенные публично (и растиражированные СМИ) они в определенной степени могут выступать элементом паралингвистического дискурса теннисиста и парадоксальным образом «работают» на его образ «воина на корте», в буквальном смысле не щадящего ни соперника, ни самого себя.

Возвращаясь к жесту «приветствия/прощания», нельзя не сказать о том, какую огромную роль они играют в общении и социальном взаимодействии. Замечательно это показал писатель Милан Кундера в романе «Бессмертие» [Кундера, 2001]. Известно, что многие люди творчества – художники, писатели, поэты – в стремлении передать «внутреннюю жизнь» своих героев уделяют повышенное внимание «языку тела» (в нашем понимании – паралингвистическому дискурсу). При этом особенно талантливые из них описывают и

трактуют такие невербальные проявления подчас значительно лучше и качественнее, чем специалисты – исследователи этой стороны человеческой коммуникации. Вот и Кундера в своем художественном произведении тщательно, точно и достоверно именно исследовал, а не описал, происхождение, историю индивидуального принятия и воплощения некоторых жестов, а также их организацию и оказанное ими психологическое воздействие. Отдельным жестам он даже дал специальные имена – «жест, протестующий против нарушения прав человека», «жест, взыскующий бессмертия» – и доказал их незаменимость словом, невозможность исчерпывающим образом выразить вербально. По сути, Кундера проделал в современных научных терминах блестящий анализ некоторых важных элементов паралингвистического дискурса на уровне межличностного общения.

На протяжении всего романа писатель, следуя своему художественному замыслу, постоянно возвращается к выразительным проявлениям человека, языку мимики и жестов, справедливо отмечая, что «на свете гораздо меньше жестов, чем людей», на основании чего он приходит к выводу: жест более индивидуален, чем индивид. То есть жест нельзя считать ни выражением индивида, ни его изобретением, ни даже его инструментом. Напротив, это скорее «жесты пользуются нами как своими инструментами, носителями, своим воплощением» [Кундера, 2001, 12]. Кундера полагает, что никакой человек не способен изобрести свой совершенно оригинальный и только ему свойственный жест.

Отдавая дань проделанному писателем анализу «языка тела», его метким наблюдениям за «судьбой» отдельных жестов, с этим выводом все-таки нельзя согласиться. Вероятнее всего, человек, используя какой-либо известный жест, безусловно, апеллирует к его «истории», известному смысловому содержанию, что и делает этот жест узнаваемым (дает основания и возможность для правильного прочтения наблюдателями «паралингвистической фразы»), но при этом вносит некий свой элемент, свою выразительную добавку – по-новому организует его (как это имеет место в фирменном жесте М. Южного), и таким образом не только видоизменяет производный жест, но и придает ему, пусть даже ситуативно новое (отличное от прежнего) значение, развивая тем самым и жестовое разнообразие, и само неречевое общение – паралингвистический дискурс.

Здесь необходимо отметить, что поведение современных спортсменов довольно удобный предмет для наблюдения и исследования именно невербальных компонентов коммуникации. Условия, при которых проходят многие спортивные состязания, часто делают неуместным и неэффективным использование речи при взаимодействии с напарниками, соперниками и особенно со зрителями. Поэтому спортсмены активно используют язык «невербальный», достигая подчас довольно большого мастерства в паралингвистическом дискурсе. Именно они нередко становятся буквально «законодателями моды» на некоторые выразительные и коммуникативные проявления. В том числе, например, и на использование татуировок.

Кроме того, состязания массово транслируются, а применение современной видеотехники позволяет рассмотреть практически любую, даже мельчайшую деталь (иногда еще и

в замедленном повторе) мимики и пантомимики спортсмена. При этом эмоции участников соревнований что называется самые настоящие – это их реальная жизнь, и часто ведут они себя на игровом поле именно так, как и в жизни. Каждый жест спортсмена, даже если он «отрепетирован» заранее (как это делают многие из них, например, футболисты, для отмечания локального или окончательного успеха), очень показателен, «насыщен» коммуникативным смыслом и не является исключительно актом самовыражения. Любой элемент такого паралингвистического дискурса доступен для анализа как с точки зрения его организации, так и оценки его эффективности – «правильного» прочтения наблюдателями и оказанного в конечном итоге воздействия.

Организация паралингвистического дискурса с использованием селфи

Но, пожалуй, самым ярким примером актуализации паралингвистического дискурса в современном мире является увлечение людей общением при помощи так называемого селфи – фотографирования себя в разных жизненных ситуациях и размещения полученных фотоснимков («сюжетов») в индивидуальных блогах и социальных сетях в Интернете, когда адресаты оценивают увиденное: «нравится» (дают «лайки») или нет, а иногда и высказывают свои комментарии.

Можно по-разному и даже довольно критично относиться к этому так сказать *craze*-действию, обозначенному *crazy*-термином. Тем не менее, нельзя не отметить, что селфи-картинка представляет собой особым образом организованное смысловое пространство с использованием самых разных невербальных знаков и элементов – мимики, жестов, аксессуаров одежды и внешности, интерьера и территории, насыщенных информацией для других, и является законченным, целостным паралингвистическим «высказыванием» – дискурсом. То есть это не просто «фото на память», «свидетельство о событии» или акт самовыражения (иногда – наивный, примитивный или даже вызывающий, часто – с изрядной долей самолюбования, нарциссизма, реже – самоиронии), а именно персонифицированное коммуникативное сообщение, своеобразное авторское послание «городу и миру», имеющее при этом огромное число последователей и ставшее, в итоге, модным социальным явлением.

Многие люди оценили коммуникативное значение селфи, его уместность и эффективность в сетевом общении, иначе мода на него просто бы не случилась. Конечно, это увлечение стало возможным с появлением качественных фотокамер, встроенных в мобильное переговорное устройство, и с развитием интернет-коммуникации, в том числе с помощью той же мобильной связи. Кроме того, имеет значение возрастающая потребность современного общения в «сжимании» объема информации и сокращении времени на ее обработку, а также необходимость в ее «индивидуализации» и авторизации. Но главное – это способ передачи эмоционального состояния, чувств, настроения и т. п., что бывает очень трудно выразить словами, рассказывая о событии. Такое визуализированное, неречевое

моментальное «сообщение» короче даже «эсэмэски» или «твитта», но при этом более емкое, информативно насыщенное, что и делает селфи-общение особенно популярным. Оно воспринимается комплексно, буквально целиком в качестве определенного «образа», не требующего расшифровки, «декодирования», вербализации и интерпретации, поэтому обладает большой силой психологического воздействия на адресата. Здесь, видимо, стоит согласиться с метким замечанием петербургской писательницы – лауреата премии «Национальный бестселлер» 2013 года Е. Чеботаревой, публикующейся под псевдонимом Фигль-Мигль, высказанным в романе «Ты так любишь эти фильмы»: «Раньше мир существовал благодаря описаниям, то теперь существует благодаря картинкам». Собственно, не только массовая увлеченность селфи, часто происходящая по классическим законам заражения и подражания, но именно «коммуникативная удобность» и заставляют серьезно относиться к этому явлению. Сам факт его распространенности – отличная иллюстрация возможностей и эффективности паралингвистического дискурса, возрастания его роли в современном мире и поиска людьми новых способов по его организации.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что дискурсивный подход к анализу процесса невербальной коммуникации позволяет, во-первых, рассматривать ее в качестве единой целостной системы независимо от используемых способов организации паралингвистического дискурса, от задействованных при этом разных неречевых знаковых систем и от уровня, на котором она осуществляется; а во-вторых, показать ее отличительную особенность – ориентацию на достижение эффекта психологического воздействия и «включение», вовлечение партнеров по взаимодействию в паралингвистическую дискурсивную практику. Кроме того, предпринятая в статье интерпретационный анализ некоторых неречевых коммуникативных ситуаций «живого», непосредственного общения был направлен на то, чтобы продемонстрировать главный результат такой дискурсивной практики – это именно «конструирование» мира (социальных отношений, образов Я и Других и т. п.), а не стремление к «описанию» его.

Библиография

1. Андрианов М.С. Невербальная коммуникация: психология и право. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. 256 с.
2. Андрианов М.С. Подход к анализу невербальной коммуникации с позиций дискурсивной психологии // Журавлев А.Л., Кольцова В.А. (ред.) Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 739-742.
3. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2003. 512 с.

4. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
5. Килошенко М.И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. СПб.: Речь, 2001. 192 с.
6. Кочеткова Н. «Чувства надо оскорблять». Почему провокации в искусстве полезны для зрителя. Интервью с художниками А. Осмоловским и Г. Литичевским о допустимой степени провокативности в искусстве // Lenta.ru. 2015. 18 сентября URL: <http://lenta.ru/articles/2015/09/18/abuse/>
7. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
8. Кундера М. Бессмертие. СПб.: Азбука, 2001. 384 с.
9. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов н/Д.: Феникс, 2009. 344 с.
10. Павлова Н.Д. Дискурс // Бодаев А.А. (ред.) Психология общения. Энциклопедический словарь. М.: Когито-Центр, 2011. С. 57-58.
11. Петрова Е.А. Знаки общения. Визуальная психосемиотика. М.: ГНОМ и Д, 2001. 256 с.
12. Поворазнюк С., Федотова А. «Это ведь душераздирающий символ!». Почему карикатуристы Charlie Hebdo готовы рисовать то, что другие не решаются // Lenta.ru. 2015. 16 сентября. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/09/16/caricature/>
13. Шейнов В.П. Юмор как способ влияния. СПб.: Питер, 2016. 239 с.
14. Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. London: Sage, 1987. 256 p.
15. Harre R., Stearns P. (eds.) Discursive Psychology in Practice. London: Sage, 1995. 240 p.

Organization and psychological impact of paralinguistic discourse

Mikhail S. Andrianov

PhD in Psychology, Leading Researcher,
Department of psychological support of prosecutorial activities,
Research Institute of the Academy of Prosecutor General of the Russian Federation,
117638, 2/1 Azovskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: andrianov@nextmail.ru

Abstract

The article deals with the approach to the research of non-verbal communication from the standpoint of the methodology of discursive psychology. The author of this article considers

both a separate, specific instances of the use of different ways of organizing paralinguistic discourse with the help of sign language, languages of culture, other nonverbal sign systems, and a holistic social phenomena – paralinguistic discourses: the increasing of the modern people with tattooing and network communication with a selfie. The article shows the main features of this discourse – the focus on constructing and changing the world, and the provision of psychological impact on partners for cooperation. The author notes that discursive approach to the analysis of the process of nonverbal communication allows, first, to consider it as a single integrated system, regardless of the ways of organization of paralinguistic discourse, of involved different nonverbal sign systems and of the level at which it is carried on; and secondly, to show its distinctive feature – the focus on achieving the effect of psychological impact and involvement of partners for cooperation in paralinguistic discursive practice. In addition, the interpretative analysis of some non-speech communicative situations of "live" communication was intended to demonstrate the main result of this discursive practice – "designing" the world (social relations, images of I and the Other, and not a desire to "description" of it.

For citation

Andrianov M.S. (2017) Organizatsiya i psikhologicheskoe vozdeistvie paralingvisticheskogo diskursa [Organization and psychological impact of paralinguistic discourse]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 6 (2A), pp. 157-170.

Keywords

Nonverbal communication, paralinguistic discourse, psychological impact, languages of culture, tattoo, fashion, cartoon, gesture, selfie.

References

1. Andrianov M.S. (2007) *Neverbal'naya kommunikatsiya: psikhologiya i pravo* [Nonverbal communication: psychology and law]. Moscow: Institute of General Human Research.
2. Andrianov M.S. (2012) Podkhod k analizu neverbal'noi kommunikatsii s pozitsii diskursivnoi psikhologii [Approach to the analysis of nonverbal communication from the standpoint of discursive psychology]. In: Zhuravlev A.L., Koltsova V.A. (eds.) *Razvitie psikhologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya* [Development of psychology in the system of complex human knowledge], part 1. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, pp. 739-742.
3. Bart R. (2003) *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The system of a fashion. Articles on the semiotics of culture]. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh Publ.
4. Harre R., Stearns P. (eds.) (1995) *Discursive Psychology in Practice*. London: Sage.

5. Kerlot Kh.E. (1994) *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow: REFL-book Publ.
6. Kiloshenko M.I. (2001) *Psikhologiya mody: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty* [Fashion psychology: theoretical and applied aspects]. Saint Petersburg: Rech' Publ.
7. Kochetkova N. (2015) "Chuvstva nado oskorblyat". Pochemu provokatsii v iskusstve polezny dlya zritelya. Interv'yu s khudozhnikami A. Osmolovskim i G. Litichevskim o dopustimoi stepeni provokativnosti v iskusstve [Feelings need to be insult. Why the provocations in the art are useful for the viewer. An interview with artists A. Osmolovsky and G. Litichevskiy about the acceptable level of provocation in art]. *Lenta.ru*, 18th Sept. Available at: <http://lenta.ru/articles/2015/09/18/abuse/> [Accessed 17/04/17].
8. Kreidlin G.E. (2002) *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Nonverbal semiotics: body language and natural language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
9. Kundera M. (2001) *Bessmertie* [Immortality]. Saint Petersburg: Azbuka Publ.
10. Labunskaya V.A. (2009) *Ne yazyk tela, a yazyk dushi! Psikhologiya neverbal'nogo vyrazheniya lichnosti* [Not the body language, but the language of the soul! Psychology of nonverbal expression of personality]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
11. Pavlova N.D. (2011) Diskurs [Discourse]. In: Bodalev A.A. (ed.) *Psikhologiya obshcheniya. Entsiklopedicheskii slovar'* [Psychology of communication. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ.
12. Petrova E.A. (2001) *Znaki obshcheniya. Vizual'naya psikhosemiotika* [Signs of communication. Visual psychosemiotics]. Moscow: GNOM i D Publ.
13. Potter J., Wetherell M. (1987) *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour*. London: Sage.
14. Povoraznyuk C., Fedotova A. (2015) "Eto ved' dusherazdirayushchii simbol!" Pochemu karikaturisty Charlie Hebdo gotovy risovat' to, chto drugie ne reshayutsya ["This is a heartbreaking character!" Why the Charlie Hebdo cartoonists willing to draw what others do not dare]. *Lenta.ru*, 16th Sept. Available at: <http://lenta.ru/articles/2015/09/16/caricature/> [Accessed 13/04/17].
15. Sheinov V.P. (2016) *Yumor kak sposob vliyaniya* [Humor as a way to influence]. Saint Petersburg: Piter Publ.